

Стихотворения Владимира Бенедиктова. Вторая книга.

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СТИХОТВОРЕНИЯ ВЛАДИМИРА БЕНЕДИКТОВА. Вторая книга. 1838. Санкт-Петербург. В типографии Неймана и комп. 107. (8).

Все бесконечное отличается от конечного своею неуловимостию и непередаваемостию с математическою точностию и ясностию. Причина этого заключается в том, что все бесконечное запечатлено печатью *таинственности*, которая составляет одну из основных потребностей духа и без которой погибло бы всякое наслаждение созерцанием жизни. Это всего более применяется к искусству. Подите в Останкино, в *вельможный*, в полном и высшем значении этого слова, дом графа Шереметева и пересмотрите там мраморные копии с великих произведений греческого ваяния. Отчего же живет он, этот бездушный, холодный мрамор, такую одушевленную, такую светло-пламенную жизнь, как будто бы хочет вам сказать приветствие любви и счастья, как будто хочет вам открыть какую-нибудь заветную тайну вечно прекрасного бытия? Отчего же этот холодный и бездушный кусок камня представляется вам Венерою, богинею красоты, которая, в своей лучезарной, гармонической наготе, так грациозно стоит на пьедестале, так стыдливо прикрывает руками свои дивные прелести, пред которыми благоговел миродержавуый Олимп и при созерцании которых просветлялось божественною улыбкою грозное чело отца богов и человеков, Юпитера-громовержца? Отчего же эти мраморные выпуклости, эти немые формы, сверкают и дышат такою упоительно-могучею красотою, а вы, смотря на них, не пожираете их влюбленными очами, не трепещете страстным восторгом, но тихо и спокойно, в благоговейном безмолвии, созерцаете этот олицетворившийся перед вами тип, эту окаменевшую идею вечной красоты, и душа ваша плавает, расширяется в ароматическом эфире безмятежно-гармонического наслаждения, -- и легкою, светлою, прозрачною, грустно-радостною мечтою переносится в ту страну, под то вечно лазоревое небо, где жизнь была непрерывным служением, неумолкаемым хором красоте?.. Но пойдемте далее; вот бюст фавна: посмотрите, о, посмотрите, какая невыразимо радостная улыбка играет на прелестных устах юного божества лесов, как осияла эта чудная улыбка каждую выпуклость его прекрасного лица, какое дико-гармоническое, страстно-безмятежное играние жизни выражает это самодовольное, упоительное осклабление!.. Но вот бюст Александра Македонского: какая дивная гармония в размерах этой *греческой* головы! Какое благородство, величие, какая гордость и вместе с тем красота, кротость и спокойствие в этом лице героя-полубога!.. А ведь это только копии: что же оригиналы?.. Неужели это мрамор, холодный, бездушный камень? Каким же образом, каким волшебством уловил он в себя и заключил в свою темную массу эту юную жизнь, которая трепещет и играет в нем своими светлыми переливами?.. Вы скажете, что Венера Медицейская нравится потому, что в ней выражена идея женственной красоты, тип которой носили в душе своей светлые чада Эллады; что в фавне выражена идея красоты, которая отражается в полноте самонаслаждения жизнью; что в Александре Македонском воспроизведена идея этого героя, которого история и предание представляют апотеозом героической красоты греков... Может быть, все это и так; но я не о том спрашиваю. В чем состоит тайна этого живого слития *идеи с формою*, этого органического сочетания *жизни с мрамором*, которые я вижу во всем этом: вот о чем я спрашиваю! Кроме красоты, гармонии, девственной стыдливости, я вижу и в лице Венеры, и в ее положении, и во всей ее целости еще какое-то *нечто*, которого не умею назвать, не умею выговорить... Эта прекрасная Венера есть и красота как идея, и красота как индивид -- и как женщина вообще, и как одна какая-нибудь женщина... То же самое и этот фавн, и этот полубог, сын Олимпии и громовержца Зевеса: они и боги и люди, боги без имени, люди с именами... И добро бы еще все это было выражено какою-нибудь яркостию, затейливостию, чем-нибудь мудреным: а то все так просто, так обыкновенно, что не к чему придраться, не на что указать, опереться... "Вот эта черта, около губ; это возвышение на щеке"... Не говорите мне этого: значит, вы не понимаете искусства, если думаете разлагать на черты и выпуклости его внутреннюю жизнь... Эти лица, эти образы поражают меня своею